

Б И Б Л И О Т Е К А

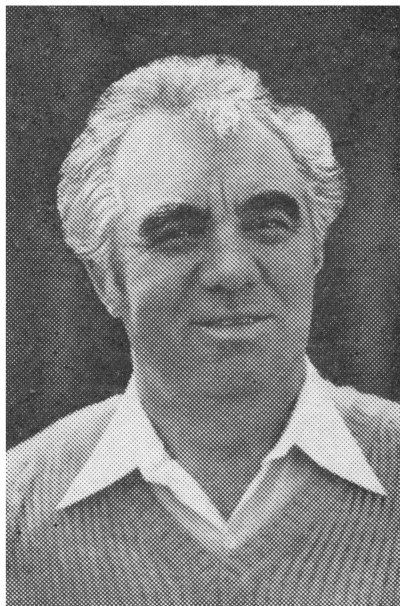
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 30

1981

Владимир ДЕМИДОВ

НА РАССТОЯНИИ
Л Ю Б В И

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 30

Владимир ДЕМИДОВ

НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

С Т И Х И

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Владимир ДЕМИДОВ

Владимир Изотович Демидов родился в 1932 году в шахтерской Горловке. В годы Великой Отечественной войны некоторое время воспитывался в детском доме им. Г. К. Жукова. В 14 лет пошел на производство. Работал лудильщиком, токарем, старшим пионервожатым, журналистом. Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Двадцать лет руководил горловским литературным объединением «Кочегарка» им. П. Г. Беспощадного.

Первое стихотворение опубликовал в 1948 году, будучи учащимся ремесленного училища. Издал около тридцати книг стихотворений и повестей: «Беспокойство», «В краю огня», «Листья начинаются с корней», «Апрельское утро земли», «Березовый свет», «Моя биография», «Детям нужны отцы», «Алешкино лето», «Травы детства», «Высоты и глубины» и др.

За активную творческую деятельность награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и знаком «Шахтерская слава».

Владимир Демидов — член КПСС.

* * *

Благословен отцовский край!
Здесь все мне близко,
Даже небо.
Земля тепла и пахнет хлебом, —
Хоть на ковриги разломай.
Доверь ей малое зерно,
Она и вынянчит, и вскормит,
И, под собой почуяв корни,
Взметнется колосом оно.
Слова простые оброни,
Она запомнит и помножит,
Кому-то на сердце положит,
И станут песнею они.

СОЛНЦЕРУБЫ

Сдается нам земная твердь.
Мы рубим в недрах уголь пламенный.
Нас каждый день уносит клеть
Из века атомного в каменный.
Пути шахтера не просты.
Мы пробиваем лавы длинные
И поднимаем не пласты,
А солнца залежи целинные.
И поминутно у копра
По рельсам гулким и обкатанным
Выходит солнце на-гора
Из века каменного в атомный!

* * *

Внизу, на самом дне колодца,
Не замерзая никогда,
Как сердце труженика, бьется
В ладонях каменных вода.

Она была в песке и глине,
Пробилась через все пласты,
Не потеряв прозрачной, синей,
Неповторимой чистоты.
И понял я, склонясь над нею,
Пришедшею издалека,
Чем круче путь и чем труднее,
Тем чище сердце родника.

* * *

Звездочки над шахтою потухли
В утренней прохладной синеве...
Сапоги солдатские и туфли
Вмятины оставили в траве.
Первые —
Подковкою широкой,
А вторые —
Тонким каблуком.
Это здесь любовь своей дорогой
Пронесла надежды в чей-то дом.
Путь ее мне близок и понятен.
По утрам лежит на нем роса.
Птицы пьют росу из этих вмятин,
Чтобы чище стали голоса.

* * *

Были тополи щербаты.
Полям топали солдаты,
А один упал.
В зимний вечер,
Вечер синий
На снегу, как на перине,
Руки разметал.
Заходил противник с тыла.
Кровь в груди пробитой стыла
С левой стороны...
Пареньку не отогреться
Ни у печки,
Ни у сердца
Молодой жены.

БАЛЛАДА О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ВСТРЕЧЕ

Памяти отца, погибшего в Сталинграде

Вчера пришел ко мне отец
Такой, каким его убили:
Пилотка, темная от пыли,
И через все лицо рубец.
Он вытер ноги о порог,
Подсумок сбросил:
— Ну, здорово! —
А я в ответ ему ни слова
Сказать от радости не мог.
Я онемел с открытым ртом.
Смешались сразу чувства, мысли.
Мы на плечах его повисли.
И мать заплакала потом.
А он уже снимал шинель,
А он разматывал обмотки:
— Теперь бы выпить рюмку водки,
Теперь бы в баньку да в постель...
Ко лбу он приложил платок:
— Да, трудно дался прошлый бой нам,
А в мире снова неспокойно...
Смотри, не прогляди, сынок! —
Я лишь теперь заметил, как
Он бледен, и лицо устало.
Но в этот миг его не стало.
Метель... Вечерний полумрак...
Я руку приложил к груди,
Всю жизнь увидел я сначала.
А в комнате еще звучало:
«Смотри, сынок, не прогляди!»

ЛЕСНИК

У Кислова Петра на затылке фуражка,
Как земля после пахоты, скулы темны.
Вместо левой ноги на ремне деревяшка —
Ненавистный подарок последней войны.
Он коню говорит: — Пошевеливай, пегий!
Застеснялся... Давай выноси напрямик! —
Мы трясемся вдвоем на скрипучей телеге,
На колхозном такси, как заметил лесник.

А дорога июльскими ливнями бита.
Утопает по самые оси «такси».
И лесник то и дело ворчит несердито:
— Не стесняйся, красавец! Давай выноси! —
По-над Доном-рекой вдалеке от станицы
Верст на пять протянулось хозяйство Петра,
А в хозяйстве и рыба, и зайцы, и птицы —
Уследишь ли за всем, коль не встанешь с утра.
Он приходит к сторожке, когда над сторожкой
Вызревает луна, словно угли в плите,
Похлебают ухи деревянною ложкой
И до завтра воткнет эту ложку в плетень.
В изголовье душистого сена подмостит
И припомнит, устало смежая глаза,
Как однажды пожаловал Шолохов в гости —
Михаил Александрович — добрый казак!
— Я признал его сразу, но виду не подал.
Пригласил отобедать и налил сполна
Для знакомства, а налил, известно, не воду,
Ничего, не погребовал, выпил до дна.
Приглашал Александрович в гости, да где там...
Только вывезешь хворост, а тут сенокос... —
Над телегой поет и аукает лето,
Опадают тяжелые комья с колес.
И лесник, нахлобучив фуражку поглубже,
Прибауткой веселой торопит коня:
— Веселее! Опять застенялся, голубчик?
Ишь какой ты стеснительный стал у меня... —
Я ловлю, словно музыку, каждое слово.
Как мне хочется, люди, чтоб вы на пути
Увидали однажды сторожку Кислова,
Из которой нельзя несчастливым уйти!

ПИЧУГА

Все другие птицы осторожны
И хитры. С ружьем не подходит.
А ее и в сумерках дорожных
Я заметил сразу впереди.
То ли в гости зазывая друга,
То ли так для песенной души
Подала голос та пичуга,
Радужные перья распушив.

Мне бы голосистую не тронуть
И уйти без выстрела к реке,
Да в стволе не дремлет патрону,
Да неловко пальцу на курке.
И выходит вот какое дело:
На ветвях по-зимнему нагих
Я ее убил за то, что пела
И была доверчивей других.

БАЛЛАДА О РУКЕ

Он прав, огнем огонь поправ
Под вербою расколотой:
Домой принес пустой рукав —
Войны беззвучный колокол.
С тех пор который год опять
В атаку он бросается,
Ложится хлебобобом спать —
Солдатом просыпается.
Плеча коснется — нет руки.
Огни в окне вздымаются.
И не колосья, а штыки,
Штыки над ним смыкаются.

* * *

Пахли по-весеннему цветы,
Те, что думал подарить тебе я.
Ты скажи мне,
Ты или не ты
Приходила в школьный сад, робея?
Бомбою с полночной высоты
Ворвалась непрошенная дата.
Ты скажи мне,
Ты или не ты
Провожала на вокзал солдата?..
В первый раз закат спокойно стыл.
Люди и орудия устали...
Ты скажи мне,
Ты или не ты
В скверике стоишь на пьедестале?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вновь иду по улице, где камни
Еще теплы от ног моих ребячьих
И окна, обращенные к востоку,
Налиты синевою до краев.
Где крыши стали ровень с облаками
И старый клен, нахохлившись по-грачьи,
Резной листвой помахивает сбоку,
Вытряхивая в небо воробьев.
Мне хочется обнять его, как брата,
И положить ему на плечи руки,
Пропахшие землю и ветрами,
Которые сюда не долетят,
И рассказать, как в юности когда-то,
О трудных днях, что прожиты в разлуке,
О девушке, стоявшей между нами,
О звездах над могилами солдат...
Кружатся листья, наземь оседая,
И пахнет утро свежими хлебами,
Кричат за терриконом паровозы,
А на четвертом этаже давно
К стеклу припала женщина седая,
Она безмолвно шевелит губами,
Она безмолвно вытирает слезы,
Совсем безмолвно, как в немом кино.

ПУЛИ

Война все реже к нам приходит в сны.
Уже давно ни фронта нет, ни тыла.
Но пуля, что жила в нем с той войны,
И через тридцать лет его свалила.
Земля сырая. Горький женский всхлип.
Молчат в печали юноши и деды.
Он в мирный день не умер, а погиб,
Как те, что не дожили до победы.
Ни черного огня, ни канонад
Над Родиной, спасенною любовью.
Но пули с той войны еще летят,
И нам еще расплачиваться кровью.

* * *

Он поздравлял солдат
С удачей,
Построив роту
У ворот.
И рот,
Похожий на судачий,
Был хищно выдвинут
Вперед.
А там,
В последней колыбели,
Под ветром,
Дующим во рвы,
Две русских девочки
Висели,
Касаясь пятками
Травы.

БАЛЛАДА О ЧЕТВЕРТОМ

Нас, мальчишек, было только трое
В том строю, что сразу поредел:
Каждого четвертого из строя
Гитлеровцы гнали на расстрел.
Я считал, какой мне номер выпал,
И, почуяв холодок стальной,
Жаркий воздух ртом хватал, как рыба,
Брошенная на берег волной.
А когда спиной прижался к тыну,
Одноногий дядька Опанас
В сторону меня легонько сдвинул
И сказал: «Живи, малый, за нас!»
По-над речкой покачнулись ивы.
Ласточки запутались в дыму.
Но остались все мальчишки живы
И еще не верили тому.
Медленно текло в глазах у мертвых
Синее небесное литье.
И смотрел на каждого четвертый,
Как на продолжение свое.

ПЕХОТА НА СНЕГУ

Е. Исаеву

На село
Пехота наступала,
Тяжело
На белый наст упала.
Так трава ложится под косой,
Ровно,
Полоса за полосой.
Но траве не встать
В степи усталой,
А пехота-мать
Взяла да встала.
И пошла вперед.
И все трудней
Таял лед
И таял снег под ней...
А теперь там снег
Быстрее тает,
Раньше всех
Бессмертник прорастает.

ШТУРМ

Только — штурм. И в полный рост — к высотам...
Сколько их осталось на снегу!
Падали на первом и на сотом,
Падали на тысячном шагу.
Головешки в клубах снежной пыли.
Каждый шаг еще гудел в ушах.
Но живые в спешке позабыли,
Кто же сделал самый первый шаг.
Мертвые не скажут, кто их поднял,
Мертвые молчат во имя всех,
Увидавших и рассвет, и полдень,
И победу на высотах тех.

* * *

Какой там бог!
Я только в землю верую.
Я собираю землю на земле

И черную,
И желтую,
И серую.
Она холмится на моем столе.

Ту, черную,
Я взял под грустным тополем,
Ту, желтую,—
У пристани морской,
А эту — на кургане в Севастополе,
А эту — у березки под Москвой.

И курская земля,
И сталинградская,
И рытая под брестскою стеной,
Она едина в памяти,
Как братская
Могила,
Не отысканная мной.

Я собираю землю
С этой верою,
Беру такой,
Какой была в бою,
И по крупице вам передаю
И черную,
И желтую,
И серую —
Единую и кровную мою.

СОВЕСТЬ

Было шумно в избе Федота,
А теперь и темно
И глухо.
На засове его ворота.
На погосте его старуха.
То ли стонет ночная птица,
То ли визг за стеной кабаней...
Он просторной избы боится
И все чаще ночует в бане.
Там угарно, темно и пусто.
Под седой головой —
Полено.

И Федот на полке до хруста
Обнимает свое колено.
Не от холода ноют кости,
Но откуда же боль,
Откуда?
Это снова приходят в гости
Все, кому сотворил он худо.
Лучше б выпить травы-отравы,
Да трава-то не виновата
В том, что суд свой свершают
Правый
Те, кого выдавал когда-то.
И от них никакая сила
Не скоронит на этом свете:
Все, что власть погода простила,
Не простили родные дети.
Он во сне их зовет неловко,
Но они не придут с повинной...
И висит на стене
Веревка,
И скрипит во дворе
Осина.

КНИГИ В ОГНЕ

Наверно, нет опасней мига,
Когда из хладнокровных рук
Летит в костер за книгой
Книга,
И все безмолвствует вокруг.

Я шел под пули
Без боязни,
Но пытка та была страшна
Не потому ль, что с этой казни
И начиналась та война?
Они трепещут, словно птицы,
И вновь слетаются ко мне,
Огнем казненные страницы —
Больная память о войне...
Он может громким быть
И тихим,
Большим и маленьким,

И все ж
Огонь,
В котором гибнут книги,
Всегда на свастику похож.

ШАХТЕРСКОЕ ЛЕТО

Полсвета
В метели одето.
Снега залегли у дубрав.
А здесь продолжается лето
Без шелеста листьев и трав.
Запахнет корою набухшей,
Полуденным зноем обдаст
Над лавой,
Все глубже и глубже
Насквозь прорезающей пласт.
Как будто по срубам колодца
Спускаются хлопцы по ней,
Вдоль каменных залежей солнца
Свисает цепочка огней.
Забоев неяркие звезды
Врезаются в память на век.
Я знаю, что в каменных гнездах
За каждой звездой —
Человек.
Он понял:
Земные заботы
Не легче небесных на вес.
И ждут его дома с работы,
Как ждут космонавтов с небес.

ПОДЗЕМНЫЕ ВЫСОТЫ

Уходят вглубь шахтеры,
Как верхолазы —
В тучи.
Глубины —
Те же горы,
Но их вершины
Круче.

На глыбах колчедана
В любое время года
Ни солнца,
Ни тумана —
Всегда одна погода.

Но, громыхнув породой,
Природа вносит ясность:
Всегда
Одна погода,
Да не одна опасность!

Неверное движенье,
И вдруг
В открытых недрах
Земное притяженье
Уже не друг,
А недруг!
Огонь в пластах,
Как в сотах,
Его века не старят.
И взятым здесь высотам
Имен своих не дарят.

* * *

Надо мною земля
В километр толщиной.
Выгибаются стойки под ней.
Эту тяжесть почувствовать надо
Спиной,
Не чужою спиной, а своей.
Я из фляги шахтерской
Воды отхлебну,
Лоб горячий ладонью утру.
На закате бригада ушла в глубину,
На-гора возвратится к утру.
Там по синему небу текут облака,
Как ночное дыханье земли,
И не гаснут усталые окна, пока
Мы от отчего дома вдали.

Я бы, замечая, промолчал,
Если бы не слышала сама ты,
Как стучатся в окна по ночам
Без вести пропавшие солдаты.
Ничего не надо им от нас,
Лишь хотят они поведать свету,
Как встречали свой последний час
И за что любили землю эту...
Звезды загораются во мгле,
И шумит листва у каждой хаты,
Потому, что ходят по земле
Без вести пропавшие солдаты.

НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

Давай припомним, в той дороге
Всегда была ты от меня
На расстоянии тревоги,
На расстоянии огня...
Не все метели отсвистели,
Но ты надежду не туши
На расстоянии метели,
На расстоянии души.
И станет в бурю небо выше,
И полыхнет огонь в крови, —
Мне б только знать, что кто-то
Дышит
На расстоянии любви!

ГАНС ВЕБЕР

Озябший от русского снега,
На склоне декабрьского дня
Ганс Вебер,
Немецкий коллега,
Сидел за столом у меня.

На город, который когда-то
Сжигала земная гроза,
Смотрели чуть-чуть виновато
Его голубые глаза.

Мы выпили водки вначале,
Отведали с ним огурцов,
Потом помолчали
В печали
И вспомнили наших отцов.
— Отец мой погиб в Сталинграде,
А дяди
Убиты в Крыму, —
Не ради отмщенья,
Не ради
Обиды сказал я ему.
И все-таки мать побледнела.
— А мой, —
Он помедлил, — а мой
Погиб за неправое дело
В суровых снегах под Москвой..
И снова мы выпили водки
Как горечь не нашей вины,
Товарищи и одногодки
И дети минувшей войны.
Гудела за окнами вьюга,
Как в давнюю пору,
Когда
Отцы убивали друг друга
И нас разделяла беда.

О том, что сказал, не жалея,
Его понимая вполне,
Я знал, что ему
Тяжелее
И горше сегодня, чем мне.

БАШНЯ АВВАКУМА

Алексею Ионову

Там, где соснам
Вечно думать думу,
Где вода к плотине прилегла,
В гости к протопопу Аввакуму
Ломкая тропа нас привела.
Сторожами срубленная башня,
Ветхая и хмурая на вид,

Виновато,
Словно день вчерашний,
Перед новым городом стоит.
Это в ней,
Воинственный не в меру,
Осеня по старинке лоб,
За свою единственную
Веру
Принимал страданья протопоп.
Под какой березкою вихрастой
Он припал к сырой земле навек?
Говорю, снимая шляпу:
— Здравствуй,
Непокорный русский человек!—
На крыльце как будто в лодке с креном
Память ослепительно остра.
За решеткой ржавую
Смиренно
Падает в турбины Ангара...
И ни в чем не буду я
Холопом,
Потому что где-то и во мне
Есть хоть капля крови протопопа,
Что течет с другими наравне.

ТРАВЫ ДЕТСТВА

Маме

Позову...
И вдруг оно нахлынет
Холодком колодцев и криниц,
Сладковатой горечью полыни,
Пересвистом иволг и синиц,
Чтобы вновь над чистою водою
В золотистой солнечной пылице
Мне увидеть маму молодую —
Ни одной морщинки на лице.
Вместе с ней поглядывать на двери,
Ждать вестей из дальней стороны
И опять надеяться и верить,
Что отец еще придет с войны,
Со щеки слезу смахнет украдкой,
Простоит до сумерек в хлебах...
Травы детства
Пахнут сладко-сладко,
Остается горечь на губах.

ВЕСЕННИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Лежалый снег склевав до корки,
Капель разгульная стекла.
И засверкали на пригорке
Осколки битого стекла.
Под солнцем обнажилось вскоре
Все, что скрывалось до поры:
Опавший лист,
Обвисший корень
И пар, текущий из норы.
Сад замер в радости и страхе —
Какие превращенья в нем:
Волшебник в колдовской папахе
Прогнившим оказался пнем.
Сосульки превратились в слезы,
А слезы — в искорки огней.
И просветлели вдруг березы,
И стала пахота темней.
Огню — горенье, тленье — тлену.
Все в жизни, как там ни таи,
Приобретет и цвет, и цену,
И очертания свои.

ЛЕСНЫЕ КОСТРЫ

Я не считал зажженных мной костров —
Друзей несправедливо безыманных,
Что полыхали на лесных полянах,
Холодный дождь и темень поборов.
У каждого была своя душа,
Свои повадки и свои привычки.
Одни пускались в пляс от первой спички,
Другие поднимались не спеша.
Уже давно погасли их огни,
И на леса ложится тень косяя.
Но все, что подарили мне они,
В моей душе горит не угасая.

* * *

Земля тепла, как мамина рука.
Я к ней прильнул щетинистой щекою.
И надо мной качнулись облака
И стали таять где-то за рекою.

И я уже плыву за ними вслед
В тот город, что несуетно, с любовью
Рисует мне бесхитростный портрет
Той, что сейчас прильнула к изголовью.
Как родничок, течет ее напев
В голубизне безоблачного детства,
И я боюсь проснуться, не успев
До слез в глазах на маму наглядеться.

* * *

Под этой вербой жил огонь:
Во тьме блестит зола.
И как рабочая ладонь,
Земля еще тепла.
Людей и птиц к себе маня,
Наверно, помнит лес
Того, кто был здесь до меня
И в сумерках исчез.
Я руки стылые потер,
Собрал сухой коры...
Поговори со мной, костер,
До утренней поры.
В моей душе немного, брат,
Безоблачных годов,
Но все, чем беден и богат,
Тебе открыть готов.
Пусть жизнь короче с каждым днем,
Я понял и давно:
Какое счастье
Быть огнем,
Когда вокруг темно!

* * *

Я с грустью думаю о том,
Что был порою слеп:
Не тех людей
Водил в свой дом,
Делил не с теми
Хлеб.
Огонь — от одного костра,
Но от другого —
Дым...

Чем больше делал им добра,
Тем больше слыл скупым.
Обиды сеют в душах боль,
А рядом с болью
Злость...
Но достаю я
Хлеб и соль,
Когда приходит гость!

ГОРНАЯ ДОРОГА

Среди гор, где ни чертей,
Ни бога,
Только ветры тучу волокут,
Как ты поработала,
Дорога,
Сколько потрудилась на веку!

В непогодь и трудную годину
Под любую тяжесть
День за днем
Ты привычно подставляла спину,
Битую железом и огнем.

Всем,
Кого несла до перевала
Бурям и снегам наперекор,
Ты такие дали открывала,
Что светлы глаза их
До сих пор!

У меня в запасе лет немного,
Можно сосчитать уже
До дня.
Если бы прожить их,
Как дорога,
В горы поднимавшая меня!

ПРОВОДЫ

А. И.

В час, когда мы замерли
В печали
Над тобой
И не тобой уже,

Были и такие,
Что молчали,
Торжествуя,
Радуюсь в душе.
Ты,
Ушедший в землю с поля боя,
Пребывая в холоде и мгле,
И оттуда не даешь покоя
Им,
Плодящим злобу на земле.
Над могилой
Травы брызжут соком.
Ласточки приветствуют зарю.
И когда мне слишком одиноко,
Самому себе я говорю:
Ты попробуй жизнь прожить
Такую,
Чтоб не только плача и скорбя,
Но еще — ликуя,
Да, ликуя,
Шли за гробом
Знавшие тебя.

* * *

Снег остался
Где-то за Славянском.
Темная шахтерская земля.
А по ней бегут
В тумане вязком
Сгорбленные стужей
Тополя.
Наплывает кисловатого-горький
Запах угля,
Вызревший в огне.
А потом —
Дорожные пригорки
С дымным терриконом
В стороне.
Сердцу эти виды
Не в новинку,
Вперемешку радость в нем
И грусть.

Там у шахты
Каждую тропинку,
Как стихи,
Я знаю наизусть.
Прошлое идет за мной
По следу
И напоминает наяву,
Что не в гости,
А домой я еду,
Хоть уже давно здесь
Не живу.

* * *

Памяти О. Герасимова, рабочего поэта

Эта рана
Заживет не скоро,
Но еще сильнее
Будет жечь
Боль от материнского укора,
Что тебя могли б мы
Уберечь.
Молодой,
С улыбкою желанной
И неустоявшимся баском,
Выжил ты
В глубинах океана,
А разбился
В цехе заводском.
Жизнь твою подкрашивать —
Нелепо.
И какую краской ни пиши,
Остается не душа,
А слепок
С этой неразгаданной души.
На могиле
Тоненькая книжка,
А над ней,
Неловко щуря глаз,
Дерзкий и застенчивый
Мальчишка
Смотрит с фотографии на нас.

* * *

На шоссе
Поскрипывают брички —
Уголь просыпается с боков.
Рассветает.
Время переклички
Басовитых горловских гудков.
Солнце поднимается
Над парком,
И рабочий голос подает
Боевая шахта «Кочегарка»,
А за ней — «Рудуч»
И машзавод.
Прокоют, и сразу
Станет тише.
А потом с углем
Или пустой,
Поднимая стаи ребятишек,
Грузовик пройдет по мостовой.
Это — детство.
С ломтем каравая,
В галстуке,
Окрашенном в зарю,
За шахтерским домом,
На сарае,
Я планер свой первый
Мастерю.
Он уже летит туда,
Где солнце,
Где просторы
Синью налиты.
И в душе навеки остается
Ощущенье этой высоты.

* * *

Город знаменитого шахтера
С теплотой глубинной
Про запас.
И живет в нем девочка,
С которой
Я ходил когда-то
В первый класс.

Каждый тополь здесь
Мне с детства дорог,
Где звучат
Родные имена...
Девочке давно уже
За сорок,
Скоро станет бабушкой
Она...
С грустной улыбкой
И веселой
Я смотрю
На Горловку мою
И стою
Перед моею школой,
Словно перед мамою
Стою.
А в аллее,
Где давно пропели
Соловьи,
Живущие не тут,
Девочка и мальчик
Два портфеля,
Крепко взявшись за руки,
Несут.

* * *

Вот и всходит
Звезда голубая,
Серебристую мглу проколов.
И вода,
Не спеша прибывая,
Обещает на завтра улов.
Вон в переднике,
Как повариха,
Над рекою береза стоит.
А в душе по-осеннему
Тихо,
Нет в ней места для слез
И обид.
Буду спать я,
Реке улыбаясь
И всему,
Что увижу во сне,

Оттого, что звезда
Голубая
В эту ночь улыбнулась
И мне.

* * *

Хочу отвыкнуть
От тебя,
И, может быть,
Удастся это,
Пока мне помогает
Лето,
О вечной радости
Трубя.
Который день
Я хороню
Любовь,
Попавшую в немилость,
Она тебе не пригодилась,
За что и предана
Огню.
Пора развеять пепел
Там,
Где мы ошиблись
Так жестоко,
Но тень от света
Давних окон
За мною ходит
По пятам.
Давно она...
Она давно
От окон тех
Неотделима
И не пройдет ни разу
Мимо,
Пока не станет в них
Темно.

* * *

Выйдешь вечером в поле,
И в поле
У веселых российских берез

Разрывается сердце от боли
И от мысли, что все
Не всерьез:
И старанья любить поневоле,
И любовь,
Для которой ты рос,
А всерьез
Только небо и поле,
Только небо и поле
Всерьез.

* * *

Не корили
И не укоряли,
Но, не дав проститься,
Увезли.
Увезли —
Как деревце с корнями
Из отцовской вырвали
Земли.
Говорили:
«Будешь там счастливой,
Доли не захочется иной!»
Но она живет
Плакучей ивой
И людей обходит
Стороной.
Слезы на глазах ее
Не тают,
Хоть с какою лаской
Позови...
Радовались:
Думали — спасают,
Поняли:
Спасали от... любви.

* * *

Я всегда ходил с поклоном
На свиданье с батею Доном.
Был он
Тихою рекой,
Да сегодня не такой.

Безразмерный водный кузов,
И вместимость велика.
Сколько всяческого груза
На себе несет река!
Здесь и баржи,
И буксиры,
Тягачи и толкачи,
Теплоходы, пассажиры,
Бревна,
Уголь,
Кирпичи.
И летят, как санки с горки,
Не жалея скоростей,
«Метеоры» и моторки
Всех систем и всех мастей.
Так иной промчится к теще,
Что, спокойная всегда,
Полчаса, а то и больше
В берега стучит вода.
И подмытые под корень,
С круч срываются всю ночь
Вербы,
Вязы,
Осокори —
Те, которым не помочь.
Птицу взрывами пугая,
Оседают берега.
Сколько лет
Река нагая
Там, где вспаханы луга!
Есть Донец еще
И Маныч,
Волга есть
И Днепр,
И Буг.
Не сдавайся, Дон Иваныч!
«Стон Иваныч», —
Слышу вдруг.

* * *

Звезда, наверное, всегда
Чем выше,
Тем прекрасней,

Хоть и прекрасная звезда
Когда-нибудь погаснет.
Ведь даже той,
Чей ровный свет
Струится во Вселенной,
Давным-давно
Средь прочих нет:
Погасла постепенно.
Но сколько ж лет
Еще в ночи
Раздольно и широко
Летят к земле
Ее лучи,
Лишенные истока!

* * *

Валентине

Ты ушла,
А все ж еще со мною:
Чувствую дыханье за спиною.
Позову по имени,
И сразу
Замолчу,
Зажав ладонью рот.
Памятью оборванную фразу
Над рекою эхо пронесет.
И меня погладит неумело
Верба,
Под которой ты сидела.
Там лежит
Картонная коробка
С крошками печенья,
И по ней,
В стороны поглядывая робко,
Прыгает воришка-воробей.
Все, к чему хоть раз
Ты прикоснулась
И в жару,
И в злые холода,
Душу обжигает,
Словно юность,
Что не повторится никогда.

Потому, что падают деревья,
Оползают в реку берега
На земле,
Где, полная доверья,
Каждая былинка дорога.

* * *

В небе ни одной
Звезды,
Снова быть дождю
К утру.
На песке твои следы
Я уже не соберу.
Слава богу,
Есть костер,
Под рукой в лесу
Дрова,
И топор еще остер,
Остальное —
Трын-трава.

РЕКА-БОЛОТО

И светло, и тепло там,
А вода зелена.
Не рекой,
А болотом
Пахнуло со дна.
Лишь под согнутой веткой
Присел поплавок,
Сразу карп-малолетка
Его поволок.
Не успел я похвастать
Поимкой мальчика,
Как сазан головастый
Нащупал живца.
Без единого зуба
Ртом,
Что мягок и ал,
Он по-щучьему,
Грубо
Собрата глотал.

Я того живодера
И многих других
Позабуду не скоро,
Да дело не в них.
Там,
Где пахнет болотом,
Где запах тот есть,
Обязательно кто-то
Кого-нибудь ест.

ДВОЕ

Ту женщину,
Что ты мне до сих пор
Простить не можешь,
Думая о прошлом,
Я подрубил,
Как сосенку топор,
Вниманием своим неосторожным.
Когда она рассыпала цветы,
Тоскующую душу потревожив,
Мне показалось,
Будто это — ты,
Но только веселее и моложе.
А ты не забываешь этот миг,
Хоть я его скрывать и не старался,
Быть может, потому что вас
Двоих
В одной тебе
Соединить пытался.
Вы не вступали в бой
И полубой,
Вы никогда не видели
Друг друга,
Но в том,
Что я не с нею,
А с тобой,
Наверно, ваша общая заслуга.

* * *

Там,
Над стогами сена,
В заводи расписной,

Солнце еще не село —
 Месяц сверкнул блесной.
 Солнечного рисунка
 Преображенный свет.
 Все на земле
 Разумно,
 Вот где излишеств
 Нет.
 Если ты ей —
 Не помеха,
 Ее бережешь,
 Как мать,
 Скажи лишь: «Люблю», —
 И эхо
 Будет всю жизнь
 Звучать.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Благословен отцовский край!..»	3
Солнцерыбы	3
«Внизу, на самом дне колодца...»	3
«Звездочки над шахтою потухли...»	4
«Были тополи щербаты...»	4
Баллада о несостоявшейся встрече	5
Лесник	5
Пичуга	6
Баллада о руке	7
«Пахли по-весеннему цветы...»	7
Возвращение	8
Пули	8
«Он поздравлял солдат...»	9
Баллада о четвертом	9
Пехота на снегу	10
Штурм	10
«Какой там бог!..»	10
Совесть	11
Книги в огне	12
Шахтерское лето	13
Подземные высоты	13
«Надо мною земля...»	14

«Я бы, замечая, промолчал...»	15
На расстоянии любви	15
Ганс Вебер	15
Башня Аввакума	16
Травы детства	17
Весенние превращения	18
Лесные костры	18
«Земля тепла, как мамина рука...»	18
«Под этой вербой жил огонь...»	19
«Я с грустью думаю о том...»	19
Горная дорога	20
Проводы	20
«Снег остался...»	21
«Эта рана...»	22
«На шоссе...»	23
«Город знаменитого шахтера...»	23
«Вот и всходит...»	24
«Хочу отвыкнуть...»	25
«Выйдешь вечером в поле...»	25
«Не корили...»	26
«Я всегда ходил с поклоном...»	26
«Звезда, наверное, всегда...»	27
«Ты ушла...»	28
«В небе ни одной...»	29
Река-болото	29
Двое	30
«Там...»	30

Владимир Изотович Демидов
НА РАССТОЯНИИ ЛЮБВИ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 10.06.81. Подписано к печати 12.08.81. А 00409.
 Формат 70 × 108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,4. Учетно-изд. л. 1,67.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 1801. Зак. № 810. Цена 15 коп.

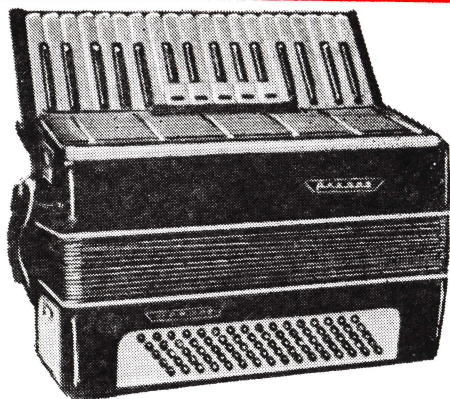

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва, А-137,
 ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ — НАПРОКАТ!

Баяны, гармонь,
пианино, аккордеоны...
на любой срок

ПРЕДЛАГАЕТ НАПРОКАТ служба быта.
При долгосрочном прокате
музыкальных инструментов
предоставляется скидка.

РОСБЫТРЕКЛАМА